

ПЕРЕПИСКА ФЕТА и П. М. ТРЕТЬЯКОВА (1869—1892)

Публикация С. А. Ипатовой

Особенностью русского просвещенного купечества 1850—1890-х годов были искренняя религиозность, любовь к отечеству, верноподданническое настроение и стремление укрепить национальные приоритеты во всех видах деятельности. Этой торгово-промышленной среде, как писал историк московского купечества П. А. Бурьшкин, были свойственны широкая благотворительность и «поддержка всякого рода культурных начинаний», в том числе вложение значительных средств в составление художественных коллекций, вследствие чего образовались Третьяковская галерея, Щукинский и Морозовский музеи современной французской живописи, Бахрушинский театральный музей, собрание русского фарфора А. В. Морозова, собрание икон С. П. Рябушинского, собрание картин В. О. Гиршмана, Е. И. Лосевой и М. П. Рябушинского, частная опера С. И. Мамонтова, а также театры, издательства, библиотеки, гимназии, училища, больницы, странноприимные дома и приюты. Невозможно «припомнить» и перечислить все «памятники жертвенности представителей „темного царства“», — пишет П. А. Бурьшкин.¹ Вклад московского купечества в общественную и культурную жизнь России, а главное, в благотворение отмечен фамилиями Щукиных, Боткиных, Морозовых, Солдатенковых, Солодовниковых, Хлудовых, Мазуриных, Найденовых, Алексеевых, Прохоровых и мн. др., среди которых едва ли не самым известным стало имя Павла Михайловича Третьякова (1832—1898), выходца из состоятельной купеческой семьи, разбогатевшей на торговле сукном, предприни-

¹ *Бурьшкин П. А.* Москва купеческая: Мемуары. М., 1991. С. 116—117. См. также: *Боханов А. Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989 (сер.: Страницы истории нашей Родины).

мателя, мецената, коллекционера, владельца и основателя галереи, в 1892 году подаренной им Москве и получившей название Третьяковской.

Свою первую картину Третьяков приобрел в 1856 году, заказав русскому художнику-жанристу Н. Г. Шильдеру полотно «Искушение»; позже этот год будет признан самим коллекционером годом основания Третьяковской галереи.²

Замысел создать портретную галерею выдающихся деятелей русской культуры возник у Третьякова в конце 1860-х годов. «До этого, — вспоминала его дочь, — портреты приобретались по большей части как произведения интересовавших его больших художников. Теперь Павел Михайлович подбирает и заказывает портреты интересующих его людей».³ Новая стратегия отразилась на новом качестве формирования коллекции. Критерием отбора стала мировоззренческая позиция коллекционера — создать портретную галерею замечательных деятелей, являющих собой лицо нации; то есть доминирующим условием отбора стал этический принцип.

Предпочтение Третьякова, по справедливому наблюдению исследователя, было отдано литераторам, «определявшим в процессе возрастания нации в ее культурном пространстве нравственные ориентиры», при этом «первые лица нации» могли «находиться в противоположных лагерях и стоять на совершенно разных мировоззренческих позициях», объединяла их духовная составляющая как принцип подбора лиц для национальной портретной галереи современников.⁴ Любопытно, что среди имен, с пристрастием отобранных коллекционером, значилось имя М. Н. Каткова (по совету Достоевского и Ап. Майкова, «как первого ума России»⁵), которого никто из художников не хотел

² См.: *Мудрогель Н. А.* Пятьдесят восемь лет в Третьяковской галерее: Воспоминания. Л., 1966. С. 13. На основании имеющихся сведений, первой русской картиной, приобретенной начинающим коллекционером 22 мая 1856 г., стала «Стычка с финляндскими контрабандистами» академика живописи В. Г. Худякова (первая расписка о покупке), именно этот день стал считаться официальным днем рождения Третьяковской галереи (см.: *Трегулова З., Юденкова Т.* Третьяковская галерея: Вчера, сегодня и завтра // Третьяковская галерея. 2017. № 3 (56). С. 14).

³ *Боткина А. П.* Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. 4-е изд., испр. и доп. М., 1993. С. 107. Далее сокращенно: *Боткина*, с указанием страницы.

⁴ См.: *Юденкова Т. В.* Выбор П. М. Третьякова и его портретная галерея: «...иду со своими взглядами и советами» // Русское искусство Нового времени: Исследования и материалы. М., 2015. Вып. 16. С. 112, 119; о приверженности братьев Третьяковых идеям славянофильства см. ее же: П. М. и С. М. Третьяковы: Участие в развитии идей славянского единства // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2016. Т. 11. С. 333–342.

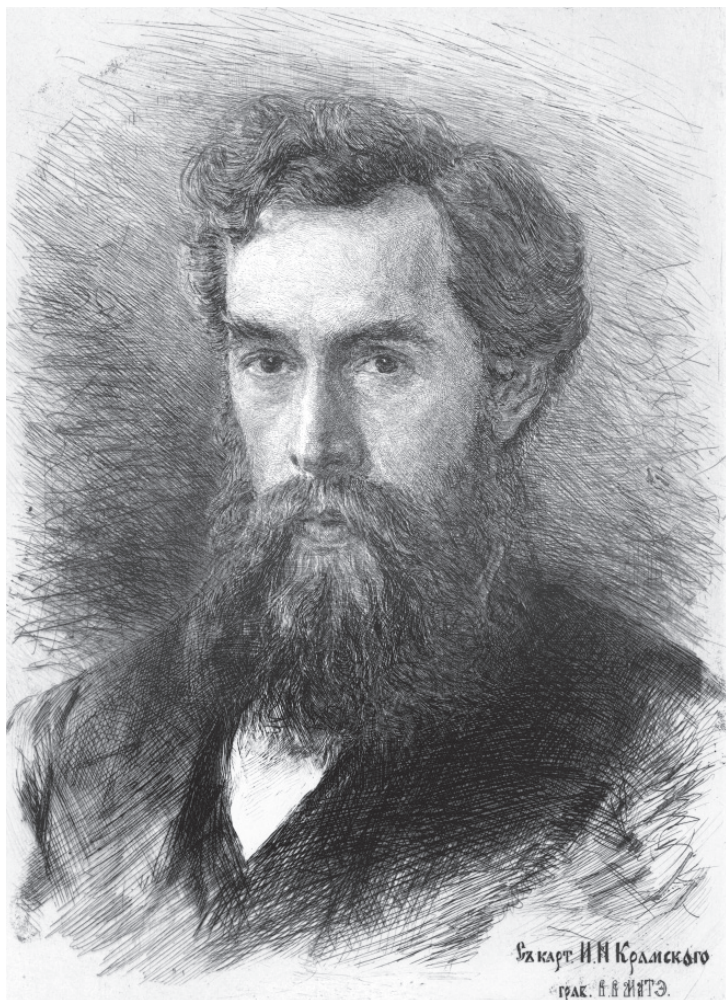
⁵ Письма художников к Павлу Михайловичу Третьякову. 1870–1879. М., 1968. С. 78. Письмо В. Г. Перова к П. М. Третьякову от 10 мая 1872 г.

писать.⁶ По наблюдению Т. В. Юденковой, «ни разу в письмах Третьякова не упоминаются имена представителей радикального крыла русской мысли, например, Н. Г. Чернышевского, П. Л. Лаврова».⁷ По заказу Третьякова художником В. Г. Перовым были исполнены портреты: пианиста и дирижера Н. Г. Рубинштейна (1870; ГТГ), драматурга А. Н. Островского (1871; ГТГ), а в 1872 году к коллекционеру поступила целая серия портретов: И. С. Тургенева (1872; ныне в ГРМ),⁸ Ф. М. Достоевского (1872; ГТГ), А. Н. Майкова (1872; ГТГ), историка М. П. Погодина (1872; ГТГ), В. И. Даля (1872; ГТГ). У И. Е. Репина Третьяков приобрел портреты: А. К. Толстого (1874; ГЛМ), историка И. Е. Забелина (1877; ГТГ), А. Ф. Писемского (1880; ГТГ), хирурга Н. И. Пирогова (1881; ГТГ), М. П. Мусоргского (1881; ГТГ) и др., а также Фета (1882; ГТГ). И. Н. Крамской по заказу Третьякова исполнил портреты: художников Ф. А. Васильева (1871; ГТГ), М. К. Клодта (1871; ГТГ); скульптора М. М. Антокольского (1871; Гос. Художественный музей Белоруссии, Минск), И. А. Гончарова (1872; ГТГ); с акварели П. А. Каратыгина художником был написан портрет А. С. Грибоедова (1873; ГТГ), а также Я. П. Полонского (1875; ГТГ), Н. А. Некрасова (1877; ГТГ), М. Е. Салтыкова-Щедрина (1879, ГТГ), Л. Н. Толстого (1873; ГТГ) и др. Воплощенная Третьяковым концеп-

⁶ На предложение Третьякова написать портрет Каткова Репин ответил категорическим отказом: «Ваше намерение заказать портрет *Каткова* и поставить его в Вашей галерее не дает мне покоя, и я не могу не написать Вам, что этим портретом Вы нанесете неприятную тень на Вашу прекрасную и светлую деятельность собирания столь драгоценного музея. Портреты, находящиеся у Вас теперь, <...> не составляют систематической коллекции русских деятелей; но, за немногими исключениями, представляют лиц, дорогих нации, ее лучших сынов, принесших положительную пользу своей бескорыстной деятельностью на пользу и процветание родной земли, веривших в ее лучшее будущее и борющихся за эту идею... Какой же смысл поместить тут же портрет ретрограда, столь долго и с таким неукошительным постоянством и наглой откровенностью набрасывавшегося на всякую светлую мысль, клеймившего позором всякое свободное слово» (Письма И. Е. Репина: Переписка с П. М. Третьяковым. 1873—1898. М.; Л., 1946. С. 48; см. также: *Чурак Г. С.* О портрете А. А. Фета работы И. Е. Репина // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Сб. науч. статей и материалов XIII Фетовских чтений. Курск, 1998. С. 97).

⁷ См.: *Юденкова Т. В.* Выбор П. М. Третьякова и его портретная галерея. С. 112, 111.

⁸ Портрет Тургенева работы Перова не удовлетворил Третьякова, и он заказал портрет И. Е. Репину (1874), однако и эту работу коллекционер не нашел вполне удовлетворительной. Портреты писателя исполнили также И. Н. Крамской и А. А. Харламов (1875; ГРМ). Подробную историю портретов Тургенева, заказанных Третьяковым, см.: *Чурак Г. С.* Портреты И. С. Тургенева в собрании П. М. Третьякова // Тургеневские чтения. М., 2004. Вып. 1. С. 237—250.

П. М. Третьяков.
Офорт В. В. Матэ с портрета работы И. Н. Крамского. 1900-е гг.

ция галереи была по достоинству оценена современниками. Так, П. Д. Боборыкин отмечал в 1881 году, что собранные вместе портреты коллекции, «развешенные по мастерам» в хронологическом порядке, демонстрируют галерею лучших представителей нации.⁹

⁹ П. Б. <Боборыкин П. Д.> Письма о Москве. Письмо третье. Хроника // ВЕ. 1881. Кн. 6. Июль. С. 377–378.

Третьяков состоял в дружеских отношениях со многими художниками, литераторами и учеными, опубликованная переписка с некоторыми из них насчитывает тома.¹⁰ С Фетом Павел Михайлович познакомился, скорее всего, в конце 1850-х — начале 1860-х годов через Дмитрия Петровича Боткина (1829—1889), брата Марии Петровны Фет. Совладелец чаеоторговой фирмы «Петра Боткина сыновья» был в то же время человеком, близким к искусству, недаром он более десяти лет возглавлял московское Общество любителей художеств. Купеческие семьи тесно общались и зачастую рождались между собой. Знакомство поэта с кланом Третьяковых состоялось, вероятно, после того, как семейства Третьяковых и Боткиных породнились, а именно Сергей Михайлович Третьяков и Дмитрий Петрович Боткин вошли в родство через жен, внучек московского городского головы, дочерей владельца Реутовской мануфактуры С. А. Мазурина: Елизавета Сергеевна Мазурина (1837—1860) стала женой Сергея Михайловича в 1852 году, а Софья Сергеевна (1840—1889) — женой Боткина в 1859 году.¹¹ В 1857 году состоялось бракосочетание Фета и Марии Петровны Боткиной, родной сестры Дмитрия Петровича.

Дом Д. П. и С. С. Боткиных отличался особым радушием и гостеприимством, здесь часто бывали многочисленные гости, нередко в их доме на Покровке подолгу гостили и Феты.¹² В. Н. Харузина вспоминала: «Дом Боткиных, несомненно, войдет в историю просвещенной Москвы того времени, и, наверно, нашлись люди, отметившие в своих воспоминаниях то, что они видели и встречали в этом интересном и изящном доме, где все носило отпечаток благородства чувств и стремления к внешней и внутренней красоте». Тетя мемуаристки, Александра Ивановна Харузина, рассказывала, как она наслаждалась беседами об искусстве К. Т. Солдатенкова, М. П. Боткина, «умными речами» С. П. Боткина, беседой Фета, рассказами Григоровича. В доме Д. П. Боткина бывал А. Г. Рубинштейн и итальянские певцы, а его картинная галерея «была довольно значительна».¹³

Боткин был страстный любитель западноевропейской живописи, главным образом художников XIX века, которую он начал собирать

¹⁰ См.: Переписка И. Н. Крамского: И. Н. Крамской и П. М. Третьяков. 1869—1887: <В 2 т.> М., 1953; Письма И. Е. Репина: Переписка с П. М. Третьяковым. 1873—1898. М.; Л., 1946; И. Н. Крамской: Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи / Изд. В. В. Стасова. СПб., 1888.

¹¹ В 1879 г. И. Н. Крамской написал ее портрет маслом.

¹² См.: *Егоров Б. Ф.* Боткины. СПб., 2004. С. 126—127 (сер.: Преданья русского семейства). См. также: *Боткина*. С. 227.

¹³ См.: *Харузина В. Н.* Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет / Вступит. ст., подгот. текста и коммент. М. М. Керимовой, О. Б. Наумовой. М., 1999. С. 169 (сер.: Россия в мемуарах).

Д. П. Боткин.
Фотография. 1880-е гг.

с 1858 года,¹⁴ и уже к 1875, согласно первому печатному каталогу, его галерея, располагавшаяся в трех комнатах собственного дома на Покровке (ныне Покровка, 27), насчитывала более ста картин,¹⁵ гобелены, бронзу, фарфор и как московская достопримечательность была отмечена в 1880-е годы во всех городских путеводителях, включая

---

¹⁴ См.: *Стасов В. В.* Павел Михайлович Третьяков и его картинная галерея // Русская старина. 1893. № 12. С. 598–599.

¹⁵ См.: Каталог картинам, составляющим собрание Д. П. Боткина в Москве. СПб., 1875.

путеводитель Карла Бедекера; в определенные часы и с разрешения хозяина галерею мог бесплатно осмотреть любой желающий.¹⁶

Описывая время первоначального знакомства с семьей Боткиных, Фет упоминал о Дмитрие Петровиче как о «самом пылком из молодых братьев, оставшемся навсегда энтузиастом изящного».¹⁷ Позже, после долгих лет дружбы, в некрологе о коллекции Д. П. Боткина говорилось: «Его изящная коллекция в Москве, на Покровке, известна всему эстетическому миру. Не честолюбие было поводом к богатому собранию, а от природы нежное настроение души, которое находило себе ближайший исход в прелестных произведениях искусства, среди которых так отрадно дышалось покойному Дмитрию Петровичу».¹⁸ О близости между поэтом и Дмитрием Петровичем свидетельствует посвящение Фета на сборнике «Вечерние огни»: «Дорогому другу и бесценному брату».¹⁹

Говоря об общих художественных интересах и связях между семьями Боткиных и Третьяковых, следует упомянуть и Михаила Петровича Боткина (1839—1914), художника, академика живописи, крупного финансиста, коллекционера (в основном итальянских мастеров), знакомого П. М. Третьякова. Позже страстным коллекционером и признанным знатоком искусства станет и врач Сергей Сергеевич Боткин (1859—1910), племянник М. П. Фет, старший сын ее брата, знаменитого доктора Сергея Петровича Боткина (1832—1889).

Итак, знакомство Фета и П. М. Третьякова, сразу же переросшее в дружеские родственные отношения, состоялось благодаря Д. П. Боткину и продолжалось вплоть до конца жизни поэта, то есть более тридцати лет, что подтверждается немногочисленными сохранившимися письмами. Из них становится очевидным, что в действительности писем было больше. Однако подлинная близость между Фетом

¹⁶ См.: Семенова Н. Барбизон на Покровке: Дмитрий Боткин. История собрания и гибели коллекции Дмитрия Боткина // Арххроника. 2010. № 3. С. 96—103.

¹⁷ МВ. Ч. 1. С. 190.

¹⁸ Фет А. Дмитрий Петрович Боткин. Некролог // МВед. 1889. 3 июня. № 151. С. 4. После смерти Боткина коллекция по наследству была разделена между детьми. «Часть доставшихся мне вещей, — вспоминал в эмиграции сын Д. П. Боткина Сергей, — между прочим семейные портреты, остались в Покровском доме, выкупленном моим братом, а часть находилась в моей петербургской квартире. Эти две части погибли при большевиках. Остальное проделало со мной мои дипломатические посты: во время войны 1914—1918 гг. было в складе в Копенгагене и, наконец, через Берлин водворилось в Париж. Но для России все это навсегда пропало. Не имея никаких денег за границей и бежав из России ни с чем, я принужден был мало-помалу продавать все эти картины и предметы искусства, дабы быть в состоянии обеспечить скромное существование» (цит. по: Егоров Б. Ф. Боткины. С. 296).

¹⁹ Там же. С. 301.

и Третьяковым наступила лишь в начале 1880-х годов. Дочь П. М. Третьякова вспоминала: «Поэзию Фета Павел Михайлович очень ценил. Не говоря о мелких стихотворениях, которые он вспоминал и цитировал, я помню его нередко с толстым томом стихотворных переводов Овидия в руках».²⁰ По ее словам, поэт «был москвич, Третьяковы с ним встречались уже давно у Дмитрия Петровича Боткина, на сестре которого, Марии Петровне, Шеншин был женат. Сблизились они более в 1882 году, когда Репин, по желанию Павла Михайловича, писал Афанасия Афанасьевича. Я хорошо помню этого поэта».²¹ В своем дневнике за 1882–1883 годы жена П. М. Третьякова Вера Николаевна оставила запись: «Не могу не упомянуть, что к весне задумал ближе ко мне стать *Фет — поэт*, который желал слышать мои мнения о благотворительности, о которой будто бы муж мой и я имеем особое мнение (по рекомендации Льва Николаевича Толстого). Ив<ан> Сер<геевич> Тургенев немало заставил меня краснеть, рекомендуя меня Фету как самую умную женщину. Бог мой! что мне стоила эта рекомендация!!!».²² В феврале 1883 года Вера Николаевна писала мужу: «В четверг была у Фета, который подарил мне свои неизданные стихотворения „Вечерние огни“, был любезен, читал критику на „Чем люди живы“ Толстого, с которой я согласилась, и подобные замечания делал и ты, чувствуя неправильность в некоторых фактах. <...> Кроме того, только что через сближение с Фетом очень возможно будет знакомство с Вл. Соловьевым, который нас интересуется с тобой своими статьями».²³

Портрет Фета для своей галереи Третьяков заказал в 1880 году Репину, который выполнил его позже, к февралю 1882 года (работал со второй половины декабря 1881 до начала января 1882).²⁴ Сохранились

²⁰ Боткина. С. 228. Имеется в виду: Публия Овидия Назона XV книг Превращений / В пер. и с объяснениями А. Фета. М., 1887.

²¹ Боткина. С. 227.

²² Там же.

²³ Там же. Речь идет о первом выпуске лирических стихотворений Фета «Вечерние огни» (М., 1883). Местонахождение дарственного экземпляра неизвестно. Упомянутая критика на рассказ Л. Н. Толстого «Чем люди живы» содержится в Предисловии к переводу второй части «Фауста» Гёте, которая вышла из печати в феврале 1883 г. (Фауст. Трагедия Гёте. Часть вторая / Пер., предисл. и примеч. А. Фета. М., 1883).

²⁴ См.: Чурак Г. С. О портрете А. А. Фета работы И. Е. Репина. С. 96–107. Репину этот заказ был, вероятно, не по душе. 20 мая 1881 г. он писал Стасову: «В начале июня съезжу в Курск, в окрестностях крестный ход будет знаменитый, — посмотрю и сделаю заметки для своей картины. / Хотел, было, кстати, там же, около Курска, сделать портрет Фета (поэта), да раздумье берет, говорят, он ретроград большой» (см.: И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка: В 3 т. М.; Л., 1949. Т. 2: 1877–1894. С. 65).

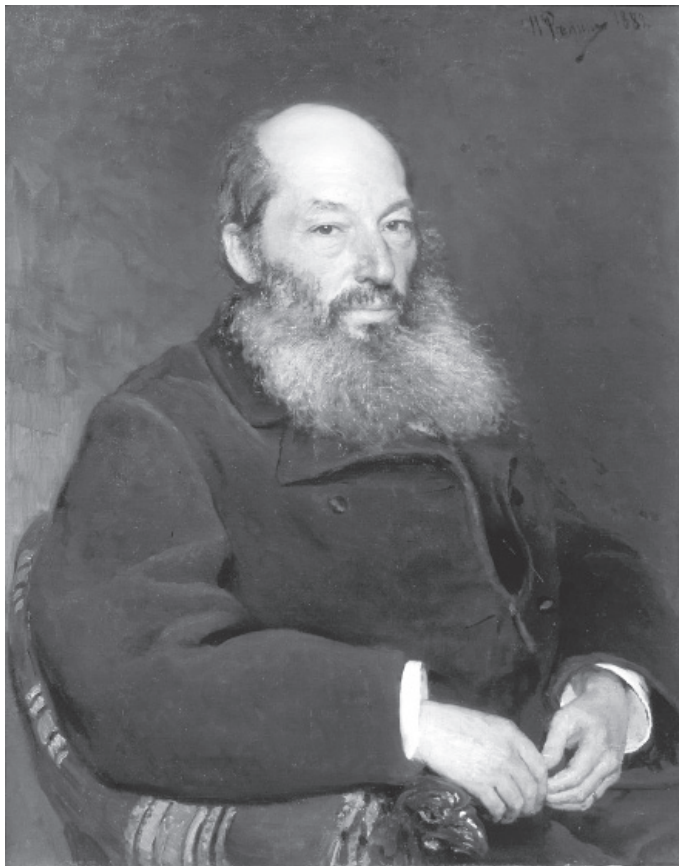
воспоминания художника, ранее не знакомого с Фетом и приглашенного им на обед: «На Плющиху, в квартиру поэта, собралось очень породистое общество: все это были большей частью обитатели Сивцева Вражка, потомки знаменитых фамилий. И я очутился вдруг точно в обществе парижских друзей Тургенева. Все: апартаменты, меблировка, небольшая столовая, в которую надо пройти через целую анфиладу комнат, французский язык, — все это вдруг перенесло меня в Париж, к французам, еще не выветрившимся из моей головы. / Я сидел смиренно, слушал только Фета и смотрел только на него; он приковывал меня своей некрасивостью и правдой и был неотразимо внушителен своей грубоватой простотой. Басистый сиповатый голос и даже тяжелый кашель очень шли к нему. Но ни в словах, ни в фигуре его не было ничего поэтического. Это была сугубая проза хозяина, помещика, дельца, многоопытного и очень умного. И странное дело — я ни на одну минуту не заскучал и даже с большим неудовольствием отрывался от своего предмета наблюдения, когда кто-нибудь из гостей обращался ко мне <...> Фет <...> все говорил о сене, о телятах да о пахоте!». ²⁵ Портрет, вероятно, сразу же удовлетворил Третьякова, уже в феврале 1882 года он заказал раму для картины, а в марте она была выставлена на 10-й выставке Товарищества передвижников (сначала в Петербурге, затем в Москве и далее в течение года на провинциальных выставках: Харьков, Одесса, Киев и др.).

Вероятно, Третьяков дорожил портретом. 4 октября 1882 года в письме к Репину он спрашивал: «Скажите, где портрет Фета? Неизвестно ли Вам наверно, путешествует ли он? П. А. Ивачев (художник, сопровождавший выставку по провинции. — С. И.) обещал мне по закрытии выставки в Москве немедленно прислать его и маленький пейзажик Боголюбова, также нужный мне <...>». ²⁶ Репин откликнулся 5 октября 1882 года: «Спешу уведомить Вас: портрет Фета действительно путешествует. Ивачев прислал нам несколько газет из Харькова, где этот портрет одобряют очень, хотя Писемского считают лучше. Значит, он там». ²⁷ «Из числа мужских портретов, — говорилось в газете «Голос» 3 апреля 1882 года, — особенно бросается в глаза портрет г. Фета, поразительный по своему рельефу и по превосходно схваченному характеру». Были, однако, и другие отзывы. Так, в «Пе-

²⁵ Репин И. Е. Далекое близкое. Л., 1986. С. 350. Переулок Сивцев Вражек, расположенный рядом с Арбатом, получил свое название в XVII в. от небольшого ручья Сивец (Сивка), протекающего к Пречистенскому бульвару по овражку; сам ручей назывался сивым (серым) по цвету воды; аристократический район старой Москвы.

²⁶ Письма И. Е. Репина: Переписка с П. М. Третьяковым. 1873—1898. С. 57.

²⁷ Там же. С. 58.

А. А. Фет.
Портрет работы И. Е. Репина. 1882 г.

тербургской газете» 18 марта того же года был помещен экспромт: «Как тут не выпить из буфета / И как не взвыть в восторге: Репин! / Хоть твой портрет великолепен, / Но в нем нет даже тени Фета!».²⁸ В январе 1883 года портрет был наконец выставлен в Третьяковской галерее.

Весной 1927 года К. И. Чуковский по просьбе Б. А. Садовского, одного из первых биографов Фета, спрашивал Репина: «Любопытно узнать — как относился к Вашему творчеству Фет? О чем Вы говорили с ним во время сеансов? Что сказал он о своем портрете Вашей ра-

²⁸ Цит. по: Чурак Г. С. О портрете А. А. Фета работы И. Е. Репина. С. 100.

боты? Как восприняла Ваш портрет Марья Петровна (его жена)?». ²⁹ 29 апреля 1927 года Репин ответил: «Мария Петровна (жена его из рода Боткиных) по чисто русской традиции — женщин, держала себя под спудом от всех высоких вопросов, и своего мнения по случаю портрета мужа не проронила. А сам Афанасий Афанасиевич говорил громким басом, и как серьезный помещик, привык повелевать и приказывать». Далее, повествуя о своей работе над портретом племянницы М. П. Фет Елизаветы Дмитриевны Боткиной (в перв. браке Дункер, во втор. Щукина; 1859—1938), дочери Д. П. и С. С. Боткиных, Репин не без иронии отмечал непосредственное участие в работе Фета: «Приезжал он к нам, почти на каждый сеанс (Воскресенье — Ба-раши, церковь, против которой жил Дмитрий Петрович Боткин, в собственном доме, где даже была картинная галерея, был Мейсонье и Фортунни, между другими chef d'œuvre'ами...). А <фанасий> Аф<анасевич> садился близко, у меня за плечами и громко-наставительно-авторитетно говорил мне: „Я вам советую“ — правую руку отвести правее — иначе, смотрите: ведь у вас получается ракурс — что вы с ним делать будете?!». ³⁰

Садовской, тонко чувствовавший Фета, писал о репинском портрете: «В остроумии Фет не уступал другому гениальному лирику Тютчеву. К сожалению, слова его, как и тютчевские, не записанные вовремя, пропали бесследно. Только выражение фетовской иронии осталось навсегда на известном полотне работы Репина. Именно такое лицо, по словам его знавших, бывало у Фета, когда приходилось ему выслушивать неумного собеседника». ³¹ Сохранилась копия с репинского портрета, выполненная ученицей художника, дочерью Л. Н. Толстого Татьяной Львовной. По убедительному предположению исследователя, копия была сделана, вероятно, в 1890-е годы для устраивавшегося Толстовского музея. Возможно, друг семьи Толстых М. А. Стахович обратился с этой просьбой к Репину, который «предлагал такого рода

²⁹ Ретин И. Е., Чуковский К. И. Переписка. 1906—1929 / Подгот. текста и публ. Е. Ц. Чуковской, Г. С. Чурак. М., 2006. С. 298. Отношение самого Чуковского к Репину и его фетовскому портрету было неоднозначным: в одной из ранних статей, озаглавленной «И. Е. Репин» (1907), он писал о Фете: «Он был самый лирический, самый женственный, самый капризный, и колдующий, и тревожный поэт. / И вот его лицо — этого Фета. Работы Репина 1881 г. Но нет, это невозможно, у Фета не могло быть такое лицо. Окоченевшая какая-то брезгливость, низменное выражение, заплывшие глазки, склизкий нос, — нет, этот Фет не мог смотреть из времени в вечность, это не Фет. Мы не хотим, мы не допустим, чтобы у нежнейшего из поэтов было такое лицо» (Там же. Приложение I. С. 298).

³⁰ Там же. С. 264.

³¹ Садовской Б. Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 79—80. Статья Садовского «Фет в портретах» (1915—1921) была опубликована лишь сравнительно недавно: Наше наследие. 2008. № 85. С. 114. Публ. С. В. Шумихина.

копийные работы своим ученикам». В Толстовском музее Пушкинского Дома копия портрета Фета находилась до 1931 года, вплоть до его закрытия и перемещения в Москву, после чего поступила в Литературный музей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и в настоящее время находится в экспозиции (см. также примеч. 8 к письму З).³²

Дочь Третьякова вспоминала о трудностях, с которыми сталкивался собиратель, формируя свою коллекцию: «Заказы портретов были часто связаны для Павла Михайловича с большими волнениями: или портреты не удавались, или оригиналы не соглашались позировать, или еще хуже — люди болели и умирали». ³³ Давней мечтой Третьякова было иметь в своей коллекции портрет Л. Н. Толстого, отношение к которому, особенно к его философии, у него было неоднозначным. «Как художника, — писал он В. В. Стасову 1 декабря 1877 года, — я его ужасно люблю и уважаю, но как человека я вовсе не знаю, т. е. не знаю в нем того, за что человека любят». ³⁴

В долгую и непростую историю уговоров Толстого позировать для портрета, а также в работу Крамского над ним неожиданно оказался вовлечен Фет, через которого Третьяков в 1869 году дважды обращался к Толстому с просьбой позволить написать его портрет, на что тот отвечал категорическим отказом. 10 мая 1869 года Толстой на переданную Фетом просьбу позировать Крамскому ответил: «О Третьякове — не знаю, никого не хочется». ³⁵ Вскоре Фет, по просьбе Третьякова, возобновил свои уговоры (письмо не сохранилось). Толстой ответил из Ясной Поляны 21 октября 1869 года: «Насчет портрета я прямо говорил и говорю: нет. Если это вам неприятно, то прошу прощенья. Есть какое-то чувство сильнее рассуждения, которое мне говорит, что это не годится». ³⁶ А. П. Боткина вспоминала: «Негладко шло также с портретом Л. Н. Толстого. В 1869 году Павел Михайлович просил А. А. Фета походатайствовать, чтобы Толстой согласился позировать. Ответ сначала был сомнительный и нерешительный, и в июне Фет от него ответа не добился. 25 же октября Афанасий Афанасьевич известил Павла Михайловича, что Толстой положительно и определенно отказывается от этой мысли» (см. письма 1, 2). ³⁷

³² См.: Чурак Г. С. О портрете А. А. Фета работы И. Е. Репина. С. 105–106.

³³ Боткина. С. 114.

³⁴ Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова. 1874–1897 / Подгот. и примеч. Н. Г. Галкиной, М. Н. Григорьевой. М.; Л., 1949. С. 31. См. также: Юденкова Т. В. Выбор П. М. Третьякова и его портретная галерея. С. 113.

³⁵ Толстой. Переписка. Т. 1. С. 390; см. также: Толстой. Т. 61. С. 216.

³⁶ Толстой. Переписка. Т. 1. С. 392; см. также: Толстой. Т. 61. С. 220.

³⁷ Боткина. С. 114–115, 222; см. также: Зилоти В. П. В доме Третьякова / Вступит. ст. М. Л. Гавлина. М., 1998. С. 119–120.

Лишь в 1873 году Крамскому удалось уговорить писателя, который сообщал Страхову в августе того же года: «Уж давно Павел Михайлович подсылал ко мне, но мне не хотелось, а нынче приехал этот Крамской и уговорил меня, особенно тем, что говорит: „Все равно ваш портрет будет, но скверный“. Это бы еще меня не убедило, но убедила жена сделать не копию, а другой портрет».³⁸ Крамской писал Третьякову 5 сентября 1873 года: «Граф Лев Николаевич Толстой приехал, я с ним видался и завтра начну портрет. Описывать Вам мое с ним свиданье я не стану, слишком долго, — разговор мой продолжался с лишком 2 часа, 4 раза я возвращался к портрету и все безуспешно; никакие просьбы и аргументы на него не действовали. <...> Одним из последних аргументов с моей стороны был следующий: я слишком уважаю причины, по которым Ваше сиятельство отказываете в сеансах, чтобы дальше настаивать, и, разумеется, должен буду навсегда отказаться от надежды написать портрет, но ведь портрет Ваш должен быть и будет в галерее. „Как так?“ Очень просто, я, разумеется, его не напишу, и никто из моих современников, но лет через 30, 40, 50 он будет написан, и тогда останется только пожалеть, что портрет не был сделан своевременно». Наконец, Толстой согласился с тем, что, если портрет «ему не понравится, будет уничтожен».³⁹ Кроме того, писатель пожелал иметь второй портрет для своих детей, художник выполнил одновременно два портрета.⁴⁰ 15 сентября 1873 года Крамской отчитывался Третьякову, что после третьего сеанса граф и жена его «были довольны портретом; на следующий раз я привожу другой холст и начинаю новый, больший, а тому даю время сохнуть. Когда и этот портрет был поставлен на ноги, графиня говорит мне: „Лучше этого, второго, сделать нельзя!“ То же говорит граф <...>».⁴¹ 23 сентября 1873 года Толстой писал Фету: «У меня каждый день, вот уже с неделю, живописец Крамской делает мой портрет в Третьяковскую галерею, и я сижу и болтаю с ним и из петербургской стараюсь обращать его в крещеную веру».⁴² 2 ноября 1873 года Третьяков писал Крамскому, что с нетерпением ждет времени, когда окажется в Петербурге и увидит портрет Толстого.⁴³

³⁸ Толстой. Т. 62. С. 50.

³⁹ Переписка И. Н. Крамского: И. Н. Крамской и П. М. Третьяков. 1869—1887. <Т. 1>. С. 66.

⁴⁰ Первый находится в ГТГ, второй вариант в Ясной Поляне.

⁴¹ Цит. по: Боткина. С. 115. Сеансы проходили ежедневно с 6 сентября по 3 октября 1873 г.

⁴² Толстой. Переписка. Т. 1. С. 426.

⁴³ Боткина. С. 115—116. «Портрет, конечно, понравился Павлу Михайловичу, сомневаться в этом невозможно», — вспоминала дочь Третьякова (Там же. С. 116).

По выходе романа Толстого «Анна Каренина» многие современники отметили, что художник Михайлов в романе похож на Крамского, это своего рода его литературный портрет.⁴⁴

В феврале 1884 года Третьяков хотел заказать посмертный портрет А. К. Толстого, вдова которого, по всей видимости, предлагала сделать копию с раннего портрета, выполненного К. П. Брюлловым в 1836 году, и участие Фета в этом начинании оказалось не менее событийным. «В интересах исторических» поэт предложил сделать копию с более поздней увеличенной фотографии Толстого периода его литературной деятельности, рекомендовав в качестве копииста молодую художницу Ольгу Михайловну Соловьеву, обладавшую, по словам Фета, техникой, «истинным вздохом и вкусом» (см. письмо 3). Третьяков поблагодарил Фета за участие в своем «предприятии» и, напомнив, что портрет графа по фотографии уже существует, решил отказаться от этого замысла.

Фет был знаком не только с Павлом Михайловичем и его семьей, но и с семьей его брата Сергея Михайловича (1834–1892), городского головы и коллекционера. Знакомство с младшим Третьяковым, о котором упоминается в публикуемой переписке, состоялось также в конце 1850-х — начале 1860-х годов. Хотя завязавшиеся отношения не были столь близкими, как с Павлом Михайловичем, в сочувственном письме по поводу смерти Сергея Михайловича Фет пишет о своих «тридцатилетних неизменно приятных отношениях к покойному» (см. письмо 5).

Жизнь и деятельность С. М. Третьякова, собирателя современной западноевропейской живописи, в основном французской, изучались меньше, чем деятельность брата. С начала 1860-х годов он активно участвовал в общественной жизни Москвы, занимая последовательно должности гласного Московской городской думы (1863), старшины московского купечества (1864–1866), члена состава директоров Русского музыкального общества (1868), члена Славянского благотворительного комитета (1869–1870). В 1877 и 1881 годах С. М. Третьяков избирался городским головой. По мнению современного исследователя, решающее влияние на формирование коллекции младшего Третьякова и на его любовь к барбизонской пейзажной школе оказали И. С. Тургенев и А. П. Боголюбов.⁴⁵ Позже, в 1882 году, Тургенев, нуждаясь в деньгах, продал Сергею Михайловичу принадлежавшую ему

---

⁴⁴ См. письмо И. Е. Репина к В. В. Стасову от 12 апреля 1878 г.: И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка. Т. 2. С. 29.

⁴⁵ См.: Юденкова Т. В. С. М. Третьяков и А. П. Боголюбов: К истории формирования коллекции С. М. Третьякова // Третьяковские чтения 2010–2011. М., 2012. С. 449–462.

С. М. Третьяков.

Фотография ателье Левицкого. Петербург, 1870-е гг.

картину Теодора Руссо «В лесу Фонтенбло» (ныне хранится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина).⁴⁶ Собрание младшего брата Третьякова находилось в его особняке на

---

⁴⁶ См.: Юденкова Т. В. «Ярый собиратель» европейской и русской школ: Художественно-благотворительная деятельность С. М. Третьякова (К 175-летию со дня рождения) // Русское искусство Нового времени: Исследования и материалы. М., 2010. Вып. 13. С. 229; см. также: Юденкова Т. В. 1) С. М. Третьяков: просто любитель или коллекционер? // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2012. Т. 8. С. 217–234; 2) Они «не захотят продавать ни по какой цене»: К вопросу о коллекционировании Д. П. Боткина и С. М. Третьякова // Русское искусство Нового времени: Исследования и материалы. М., 2013. Вып. 15. С. 178–195.

Пречистенском бульваре и было открыто для знакомых или же по рекомендации. В коллекцию входили полотна К. Коро, Ж. Ф. Милле, М. Фортюни, Ш. Ф. Добиньи, а также картины русских художников: Ф. А. Васильева, А. И. Куинджи, Крамского и др. По завещанию, богатая коллекция С. М. Третьякова, насчитывавшая 75 картин, рисунки, гобелены, скульптурные работы (включая скульптуру «Иван Грозный» М. М. Антокольского), влилась после его смерти в состав собрания П. М. Третьякова.⁴⁷ Общий размер пожертвования, включая недвижимость и капитал, завещанный для галереи, достигал двух миллионов рублей.

Павел Михайлович тяжело переживал скоростипстижный уход брата (см. письмо 6). Вскоре он обратился к Репину с просьбой написать его портрет по фотографии (в настоящее время находится в ГТГ). На смерть Сергея Михайловича Фет откликнулся проникновенным сочувственным письмом к старшему Третьякову (см. письмо 5). Слияние коллекций обоих братьев ускорило переход общего собрания в собственность города Москвы. В конце августа 1892 года заявление о его передаче в дар Москве было направлено в городскую думу, а уже в сентябре был получен положительный ответ. При передаче коллекция включала 1276 картин, 471 рисунок и 9 скульптур русских мастеров и была оценена в полтора миллиона рублей.⁴⁸ В августе 1893 года состоялось открытие музея, именуемого Московская городская галерея имени братьев Павла и Сергея Третьяковых. На столь значительном для отечества событии присутствовал император Александр III. П. А. Бурьшкин вспоминал: «Передачу галереи городу П<авел> М<ихайлович> хотел произвести возможно более тихо, без всякого шума, не желая быть в центре общего внимания и объектом благодарности. Ему это не удалось, и он очень был недоволен».⁴⁹

⁴⁷ Подробнее о С. М. Третьякове и его коллекции см.: *Приймак Н. Л.* Сергей Михайлович Третьяков — меценат, коллекционер, общественный деятель // Третьяковская галерея. 2004. № 3. С. 62–73; *Ненарокова И. С.* «Рьяный любитель художества»: Сергей Михайлович Третьяков // Русское искусство. 2008. № 1. С. 48–55; *Юденкова Т. В.* «Стремление быть полезным обществу...»: К 175-летию Сергея Михайловича Третьякова // Третьяковская галерея. 2009. № 1 (22). С. 4–17. В завещании, помимо отчислений близким, крупная сумма была выделена на общественные нужды: 120 000 рублей Московской городской управе, на проценты от них (почти 10 000 рублей в год) должны были выдаваться стипендии в ряде московских училищ, Университете, Консерватории, Школе живописи, ваяния и зодчества (см.: *Боханов А. Н.* Коллекционеры и меценаты в России. С. 68–69).

⁴⁸ См.: *Опись художественных произведений городской галереи Павла и Сергея Третьяковых.* М., 1896.

⁴⁹ *Бурьшкин П. А.* Москва купеческая. С. 143.

В 1898 году А. С. Суворин откликнулся на смерть Павла Михайловича проникновенным некрологом: «Истратив большие деньги на картины и на устройство здания, в котором помещается его галерея, он отдал все это городу, значит, всем, и вам, и мне, и нашим потомкам самым отдаленным. Это поистине патриотическое дело»; в «прошлом году я вошел в Третьяковскую галерею, в те комнаты второго этажа», где «русские известные лица в портретах, где русская жизнь современная и прошлая, представленная ярко, талантливо, во всем своем разнообразии вызывающая сложные и крепкие чувства национальности и художественного удовольствия, — посмотрел я на всю эту прелесть и заплакал от радости, что все это у нас есть», что «золотые руки, писавшие все *это*, — русские руки», и «что все это собрано трудом и усилиями одного человека, русского купца». ⁵⁰

Письма публикуются по подлинникам: четыре письма Фета к П. М. Третьякову (1869–1892) — *ГТГ*. Ф. 1 (П. М. Третьяков). № 3966–3968, 3970; два письма П. М. Третьякова к Фету (1884, 1892) — *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 2.

В *Приложении* публикуются: 1) телеграмма Д. В. Григоровича, Я. П. Полонского, П. М. и С. М. Третьяковых к 25-летию свадьбы Фетов (1882); 2) телеграмма Боткиных, Дункеров, Третьяковых, Постникова ко дню именин М. П. Шеншиной (1889); 3) адресованное М. П. Шеншиной приглашение П. М. и В. Н. Третьяковых на венчание А. П. Третьяковой и С. С. Боткина (1890).

Письма печатаются по подлинникам, в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных авторских особенностей, сохраненных в публикации без изменений.

1

Фет — Третьякову

28 июня 1869 г. Степановка

28 июня.
Степановка.

Милостивый государь
Павел Михайлович!

Чувствую, что Вы не могли составить себе высокого мнения о моей аккуратности,¹ но вина не моя. Я писал ко Л. Н. Толстому о Вашем предложении.² На это он отвечал сомнительно и нерешительно,³ а когда я его просил сказать положительно *да* или *нет*,⁴ то по сие время не получал ответа, о чем на словах просил Вам передать Ивана Василье-

⁵⁰ См.: *НВр*. 1898. 11 декабря. № 8187. С. 2 (Маленькие письма. СССXVIII).

вича Щукина, бывшего на днях у нас в деревне.⁵ Когда увижу Толстого, добьюсь ответа и тотчас же передам его Вам.⁶

Прошу принять уверение в совершенном почтен<ии>, с каким имею честь быть

Ваш

покорнейш<ий> слуга

А. Фет.

Печатается по подлиннику: ГТГ. Ф. 1. № 3966. Л. 1–1 об. На л. 1 в левом верхнем углу вензель «А. Ф.».

¹ Письмо Третьякова, на которое отвечает Фет, неизвестно.

² В письме к Толстому, вероятно от начала мая 1869 г. (неизв.), Фет передал просьбу П. М. Третьякова (его письмо также неизв.) разрешить И. Н. Крамскому написать портрет Толстого, предназначенный для галереи известных русских писателей (см. во вступит. статье).

³ Толстой ответил 10 мая 1869 г. отказом (см. во вступит. статье).

⁴ Письмо Фета к Толстому с повторной просьбой от Третьякова, вероятно от конца мая – середины июня 1869 г., до нас не дошло.

⁵ Речь идет об И. В. Щукине (1818–1890), купце, известном в Москве фабриканте-старообрядце, владевшем торговым домом «И. В. Щукин с сыновьями», занимавшимся продажей мануфактуры (учрежден в 1878 г.). Удачная женитьба на Екатерине Петровне Боткиной, старшей дочери владельца торгового дома по продаже чая и сахара П. К. Боткина, укрепила его позиции в торговом мире. В 1866–1877 гг. Щукин состоял депутатом Московской городской думы. По словам П. А. Бурьшкина, семья Щукиных причислялась к «цвету» московского купечества (см.: *Бурьшкин П. А.* Москва купеческая. С. 142). Сын Щукина Сергей Иванович (1854–1936) был известным коллекционером французской живописи и благотворителем, его собрание положило начало коллекциям французской модернистской живописи в Эрмитаже и ГМИИ им. А. С. Пушкина. Сыновья Дмитрий, Иван и Петр Щукины, купцы, также были коллекционерами предметов изобразительного искусства. Фет через жену состоял в родственных отношениях с семьей Щукиных.

⁶ Л. Н. Толстой дал согласие Крамскому лишь в 1873 г. (см. во вступит. статье).

2

Фет – Третьякову

25 октября 1869 г. Степановка

25 октября.

Хутор Степановка.

Милостивый государь

Павел Михайлович!

Как мы хорошо сделали, что до получения положительного ответа от Толстого ничего не предприняли по предмету снятия портрета.¹

В полученном сегодня письме он положительно отказывается от этой мысли,² о чем спеша сообщить Вам, прошу принять уверение в совершенном уважении, с каким имею честь быть, милостивый государь,

Ваш
покорней<ший> слуга
А. Фет.

Печатается по подлиннику: ГТГ. Ф. 1. № 3967. Л. 1—1 об.

¹ См. примеч. 2 к письму 1.

² Имеется в виду письмо Толстого к Фету от 21 октября 1869 г. (см. во вступит. статье).

3

Фет — Третьякову
3 февраля 1884 г. Москва

МОСКВА
ПЛЮЩИХА СОБ. ДОМ
№ 481

3 февраля.

Душевноуважаемый
Павел Михайлович!

Если бы не продолжающееся стеснение в груди, то я давно бы застал Вас за завтраком, что и надеюсь исполнить при первой возможности.¹

Сию минуту была у меня знакомая Вам графиня Софья Андреевна Толстая,² Малая Дмитровка, Пименовский переулок, в доме Мансуровой³ — и просила Вам передать следующе<е>, к чему я решаюсь при-совокупить и мое соображение.

Вам, по словам Толстой, желательно было иметь в Вашей портретной галерее и портрет так<ого> заметного деятеля, каким был Алексей Толстой,⁴ и хотя у графини есть прекрасный и, по мнению моему, поразительно сходный, увеличенный до натурального роста поясной фотограф^a Толстого,⁵ тем не менее она не предлагала Вам заказать масляной с него копии, совершенно справедливо полагая, что с фотографии невозможно попасть в тон волос, бровей и глаз, столь существенный в масляном портрете. В настоящее же время Толстая получила живописный портрет совершенно юного Толстого, писанный Брюлловым.⁶ И поэтому она просит Вас заехать к ней около 2 часов дня, когда

^a Так в подлиннике.

Вы ее несомненно застанете.⁷ Теперь решаюсь высказать и мои соображения. На Вашем месте, в интересах исторических, я бы предпочел иметь портрет писателя в пору его литературной деятельности, т. е. таким, каким его изображает большая фотография, а не брюлловский портрет, который только может придать верность и живость копии. — Если Вы решите дело в пользу простой копии с Брюллова, то конечно я умолкаю. Такую копию может делать и знаменитый, и безвестный живописец. Но чтобы сделать то, о чем я говорю, нужно сверх техники обладать еще вздохом, которого у заурядного копировальщика нет. Вот почему я бы предложил поручить это дело Соловьевой,⁸ которая и мастерица по технике, и с истинным вздохом и вкусом, а возьмет она весьма и весьма недорого, т. е. не свыше чего-либо за сто рублей. Между тем это и хорошее и доброе дело, так как всякая работа ей находка. Конечно, всему сказанному судья только Вы. Примите и передайте многоуважаемой Вере Николаевне⁹ мое усердное приветствие. Ваш покорный <слуга>

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: ГТГ. Ф. 1. № 3968. Л. 1–2 об.

¹ Неизвестно, состоялась ли эта встреча.

² Графиня С. А. Толстая (урожд. Бахметева, в перв. браке Миллер; 1825–1892), жена А. К. Толстого, тетка известного философа и поэта Д. Н. Цертелева; была очень образованна, знала четырнадцать иностранных языков, следила за отечественной литературой, поддерживала дружеские отношения со многими литераторами: Тургеневым, Достоевским, Фетом, Вл. Соловьевым. Не обладая внешней красотой, стала музой А. К. Толстого, после знакомства посвятившего ей свои стихи «Средь шумного бала случайно...». Положенные на музыку П. И. Чайковским, они стали знаменитым романсом. Сохранился черновик письма Фета к С. А. Толстой (см.: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 28).

³ Адрес, по которому проживала С. А. Толстая в Москве — Малая Дмитровка, Пименовский переулок, в доме Мансуровой — установлен по ее письмам (см.: Кузьмина И. А. С. А. Толстая, С. П. Хитрово и Фет: К истории отношений // *РЛ*. 2005. № 1. С. 133–149). Хитрово Софья Петровна (урожд. Бахметева; 1848–1910), племянница С. А. Толстой (по другим сведениям, внебрачная дочь), жена дипломата и поэта М. А. Хитрово (1837–1896), муза Вл. Соловьева.

⁴ Граф А. К. Толстой (1817–1875), егермейстер, поэт, прозаик, драматург, переводчик; воспитывался братом матери А. А. Перовским, в московском доме которого был написан упомянутый далее портрет; к этому времени Толстой окончил университет и начал службу в московском архиве иностранных дел. Получил известность как автор многочисленных баллад, исторического романа «Князь Серебряный» (1863), драматической трилогии «Смерть Иоанна Грозного» (1866), «Царь Федор Иоаннович» (1868) и «Царь Борис» (1870), а также авантюрных романов «Семья вурдалака» (1839), «Упырь» (1841) и др.; в начале 1850-х гг. совместно с братьями Жемчужниковыми создал пародийный образ Козьмы Прутков-

ва. В 1852 г., имея высокую должность церемониймейстера при дворе, заступился за опального И. С. Тургенева, сосланного в связи с некрологом Гоголя в свое имение Спасское (см.: *Роднянская И. Б. Толстой Алексей Константинович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь.* М.; СПб., 2019. Т. 6. С. 238—249).

Фет познакомился с Толстым и его женой через В. П. Боткина 24 августа 1864 г., когда по приглашению Толстого посетил их имение Пустынька под Петербургом, позже состоял с ним в переписке и посвятил ему стихотворение «В твоей Пустыньке подгородней...» («Гр. А. К. Т—у в деревне Пустыньке») (*Фет. ССШ.* Т. 5. Кн. 1. С. 77). Летом 1869 г. Фет вместе с И. П. Борисовым по приглашению Толстого охотились в его имении Красный Рог Брянского уезда Орловской губернии. Позже Фет с неизменной симпатией вспоминал об этих посещениях: «...меня граф и графиня, несказанной приветливостью и истинно высокой простотою, сумели с первого свидания поставить в самые дружеские к себе отношения». О самом Толстом поэт вспоминал: «...с первого дня знакомства я исполнился глубокого уважения к этому безукоризненному человеку» (*МВ.* Ч. 2. С. 25, 26). Встретившись случайно в орловской гостинице несколько лет спустя, Фет и Толстой признались друг другу, что, «незвизрая на различие путей жизни, мы ни на минуту не переставали носить в груди самые живейшие взаимные симпатии, которые должны были загораться от первого благосклонного соприкосновения» (Там же. С. 181). Толстой писал Фету 12 мая 1869 г.: «...мы все Ваши самые искренние почитатели. Не думаю, чтобы во всей России нашелся кто-либо, кто бы ценил Вас, как я и жена. Мы напередни считали, кто из современных иностранных и русских писателей останется и кто забудется. Первых оказалось немного, но когда было произнесено Ваше имя, мы в один голос закричали: „Останется! Останется навсегда!“» (*Толстой А. К. Собр. соч.: В 5 т. М., 2018. Т. 5. С. 351*).

К вдове Толстого обращено стихотворение Фета «Где среди иного поколения...» («Графине С. А. Толстой (Алексей)»), с датой: «24 декабря 1889. Москва» (*Фет. ССШ.* Т. 5. Кн. 2. С. 35).

⁵ Вероятно, речь идет об увеличенной поясной фотографии А. К. Толстого, выполненной в Риме.

⁶ Имеется в виду живописный портрет юного Толстого за охотой работы К. П. Брюллова (ГРМ; 1836; холст, масло, 134×104). В музей портрет поступил в 1918 г. от М. Е. Мухановой. До этого находился в собрании С. П. Хитрово, а ранее у С. А. Толстой.

⁷ Неизвестно, состоялась ли эта встреча П. М. Третьякова с С. А. Толстой.

⁸ Очевидно, речь идет об Ольге Михайловне *Соловьевой* (урожд. Коваленская; 1855—1903), жене младшего брата Вл. С. Соловьева Михаила, которая приходилась двоюродной сестрой матери А. А. Блока. О. М. Соловьева была переводчицей и художницей, ученицей В. Д. Поленова. В 1884 г. она сделала копию с репинского портрета Фета (не сохранилась) и подарила ее поэту, которую поэт нашел более удачной, чем оригинал. 9 октября 1884 г. он писал Соловьевой: «Так как судить мне о себе неудобно, и я не имел времени у Третьякова сличить оригинала с копией, то остается довольствоваться впечатлением, которое очень приятно и в пользу Вашего прекрасного труда» (*Садовской Б. Ледоход: Статьи и заметки.* Пг., 1916. С. 102). Копия репинского портрета, подаренная Соловьевой, была немедленно повешена на стену в доме на Плющихе. Кроме того, художнице принадлежит иллюстрация к стихотворению Фета «В дымке невидимке...», за которую поэт благодарил ее в том же письме (Там же). О. М. Соловьевой Фет посвятил стихотворение

«Рассеянной, неверною рукою...», датированное 29 октября 1884 г., где назвал ее «поклонницей и жрицей красоты» (см.: *Фет. ССШ*. Т. 5. Кн. 2. С. 116, 470—471. Установлено и сообщено Н. П. Генераловой).

⁹ Жена П. М. Третьякова Вера Николаевна (урожд. Мамонтова; 1844—1899) была дочерью богатого купца Н. Ф. Мамонтова (1807—1860), двоюродной сестрой известного мецената Саввы Ивановича Мамонтова (1841—1918). Венчание Павла Михайловича и Веры Николаевны состоялось 22 августа 1865 г.

4

Третьяков — Фету
4 февраля 1884 г. Москва

4 февраля 1884.

Глубокоуважаемый
Афанасий Афанасиевич,

Портрет графа Алексея Константиновича я давно уже имею (в скором времени после того когда я обращался за содействием к графине Софии Андреевне), писал его Репин, с фотографии, полученной от Л. М. Жемчужникова;¹ я им не особенно доволен (да и трудно быть довольным работою не с натуры, я решил более и не заказывать с фотографий), повесил его повыше, почему Вы его, вероятно, и не заметили; многие находят его очень похожим, иные же не находят сходства. Не моя вина, что не осталось портрета графа А. Толстого с натуры; я обращался при жизни графа к двум художникам с предложением написать; оба собирались и прособирались.²

Портрет раб<оты> К. Брюлова я знаю, видел его у В. М. Жемчужникова.³ Граф там очень молод, почти юноша; работа не особенная.

Сердечно благодарен Вам за участие в моем предприятии.

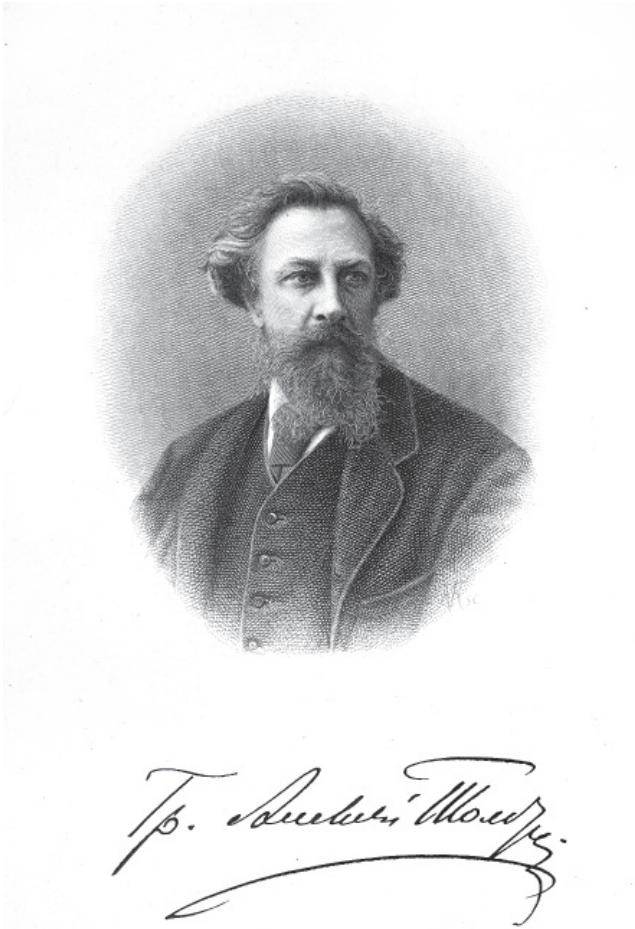
Жена⁴ кланяется Вам и Марии Петровне и от меня прошу принять низайший поклон.

Ваш преданный
П. Третьяков.

На конверте: Его Превосходительству
Афанасию Афанасиевичу
Шеншину.
Плющиха с. д. № 481.

Почтовый штемпель: Москва, 5 февраль 1884.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 2. Л. 3—3 об.; конверт — л. П. На обороте конверта, в правой части карандашная помета рукой Фета: «П. Третьяков».

А. К. Толстой.

Гравюра на стали по фотографии 1860-х гг.

¹ *Жемчужников* Лев Михайлович (1828—1912), живописец, график, мемуарист, выступал как художественный критик; брат Алексея, Александра и Владимира Жемчужниковых. О какой полученной от Жемчужникова фотографии А. К. Толстого идет речь — установить не удалось.

² 23 февраля 1874 г. И. Н. Крамской сообщал Репину: «...сегодня был у меня П. М. Третьяков и просил у меня ваш адрес. Он хочет просить вас написать ему портрет графа Алексея Толстого, который теперь живет где-то на юге Франции» (см.: Иван Николаевич Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи. 1837—1887 / Изд. А. С. Суворин. СПб., 1888. С. 207). В марте 1874 г. Третьяков сам обратился к Репину с предложением написать портрет А. К. Толсто-

го (см.: Письма И. Е. Репина: Переписка с П. М. Третьяковым. 1873—1898. С. 25). 22 марта (3 апреля) 1874 г. Репин ответил: «Очень жалею, что и этого Вашего предложения осуществить не могу. Иван Сергеевич Тургенев сообщил мне адрес А. К. Толстого, но ему известно, что он очень нездоров, и следовательно, поездка моя туда была бы неуместна, да это было бы и невыгодно для меня: отравиться от картин надолго, с экстренными расходами в незнакомых городах, все это не окупилось бы 500-ми рублями» (Письма художников к Павлу Михайловичу Третьякову. 1870—1879. С. 154). Уже после смерти А. К. Толстого в 1875 г. Третьяков, вероятно, обратился с тем же предложением к И. Н. Крамскому. В апреле 1876 г. Крамской отвечал ему из Рима: М. П. Боткин «интересовался узнать, заказали ли Вы мне портрет А. Толстого и буду ли я его делать. Я сказал, что теперь отказался, а за будущее не поручусь. Вероятно, рассчитывает сделать на Вас нападение» (Там же. С. 236—237). Очевидно, М. П. Боткин собирался писать портрет А. К. Толстого сам, но это намерение, судя по всему, не было исполнено (см.: Переписка И. Н. Крамского: И. Н. Крамской и П. М. Третьяков. 1869—1887. <Т. 1>. С. 138. Письмо Третьякова к Крамскому от 5 мая 1876 г.). В марте 1877 г. Третьяков и Крамской вновь вернулись в переписке к обсуждению заказа на портрет А. К. Толстого (Там же. С. 186, 382). Картина Репина «Портрет Алексея Константиновича Толстого» (ГЛМ; холст, масло, 84,5×69) была написана в 1879 г.

³ *Жемчужников* Владимир Михайлович (1830—1884), русский поэт и государственный служащий, брат Алексея, Александра и Льва Жемчужниковых, один из создателей литературной маски Козьма Прутков.

⁴ Жена П. М. Третьякова — Вера Николаевна. См. о ней примеч. 9 к письму 3.

5

Фет — Третьякову

8 августа 1892 г. Москва

МОСК.-КУРСКОЙ
ЖЕЛ. ДОР.

СТ. КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

18 $\frac{8}{VIII}$ 92.

Глубокоуважаемый
Павел Михайлович!

Пораженные внезапным оглашением смерти Сергея Михайловича,¹ мы с женою тотчас же намерены были послать Вам сочувственную телеграмму. Но тридцатилетние неизменно приятные отношения к покойному и Ваше личное ко мне внимание, которым я так дорожу, воздержали меня от порыва дать искреннему чувству моему безразлично исчезнуть во множестве формальных телеграмм, падающих, подобно осенним листьям, на могилу дорогого человека.

Вам, как ближайшему другу покойного, лучше других известно, что усопший кроме сердечной теплоты, привлекавшей к нему сердца, был в то же время мужем совета. Понятно, что чем более судьба посы-

дает нам лет жизни, тем чаще теряем мы дорогих нам людей. Это естественно, но естественна и наша собственная смерть, которая тем не менее болезненно мучительна. Пользуясь посещением милых Дункеров,² прошу Вас, дорогой Павел Михайлович, принять настоящие выражения сочувствия с той же беззаветной простотой, с которой они высказаны.

Глубоко уважающий Вас

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику (написано рукой секретаря Е. В. Федоровой, последняя фраза и подпись — рукой Фета): *ГТГ. Ф. 1. № 3970. Л. 1—2.*

Черновик письма (с незначительными расхождениями с подлинником), по видимому рукой М. П. Шеншиной, см.: *РГБ. Ф. 315. К. 4. № 41. Л. 1—1 об.*

¹ С. М. Третьяков умер 25 июля 1892 г. в Петергофе, похоронен в Москве на Даниловском кладбище, позже здесь же был похоронен и Павел Михайлович; в 1948 г. прах братьев был перенесен на Новодевичье кладбище. Об отношениях Фета с С. М. Третьяковым см. во вступит. статье, его второй жене Елене Андреевне Третьяковой (урожд. Матвеева) Фет подарил свой перевод элегий Тибулла (М., 1886) со следующей дарственной надписью на обложке: «Елене Андреевне Третьяковой на память переводчик» (см.: <https://www.litfund.ru/news/1207/>; дата обращения: 24.03.2021). Она позировала И. Н. Крамскому для картины «Лунная ночь». После смерти мужа передала Николаю II коллекцию картин, документов и трофеев, составившую основу собрания музея Первой мировой войны в Ратной палате.

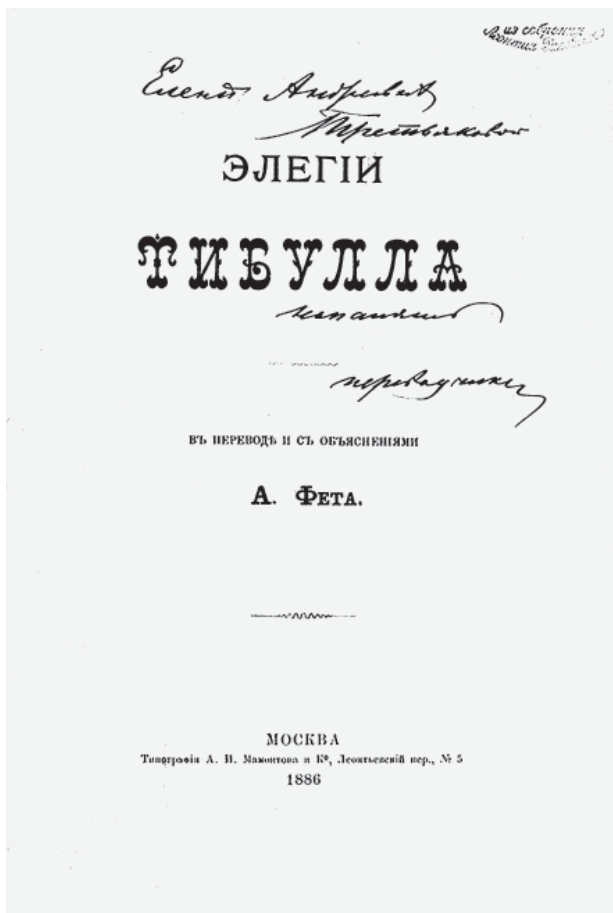
² Речь идет о К. Г. и Е. Д. Дункер, с которыми Фет и Марья Петровна поддерживали теплые отношения. Очевидно, настоящее письмо было передано Третьякову четой Дункер. Их особняк находился на Поварской и сохранился до наших дней (см.: *ФетСб(1)*. С. 322). Супруги Фет были там нередкими гостями. Дочь Д. П. и С. С. Боткиных, племянница М. П. Фет Елизавета Дмитриевна (Лиля) была особенно дорога супругам. Фет посвятил ей и ее мужу несколько стихотворений, состоял с нею в переписке (см.: Письма А. А. Фета к Е. Д. Боткиной (Дункер) (1887—1892) / Публ. Г. Д. Аслановой // *ФетСб(1)*. С. 291—330).

6

Третьяков — Фету 25 августа 1892 г. Москва

Глубокоуважаемый
Афанасий Афанасиевич,

Сердечно благодарю Вас за Ваше дорогое мне письмо;¹ оно дорого для меня и тем чувством, с каким Вы относитесь к покойному, самому дорогому мне человеку, которого я ежедневно оплакиваю,² и тем, что я из него чувствую Ваше расположение лично ко мне, а это мне дорого

«Элегии» Тибулла в переводе и с объяснениями Фета (М., 1886).
Обложка с дарственной надписью Е. А. Третьяковой

потому, что я Вас очень люблю, и как человека и как поэта-художника.
Дай Бог Вам долго, долго жить и служить Вашему любимому делу.

Прошу Вас передать мой глубочайший поклон Марье Петровне.

Не мог написать Вам ранее, болели глаза.

Будьте здоровы!

Ваш преданнейший
П. Третьяков.

25 августа 1892.
Москва.

На конверте: Его Превосходительству
Афанасию Афанасиевичу
Шеншину.
Московско-Курской ж. д.
Станция Коренная Пустынь.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 25 августа 1892; 2) Москва, 26.VIII.1892; 3) Коренная Пустынь, 27 авг. 1892.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 12. № 2. Л. 1—1об.; конверт — л. I.

¹ Третьяков отвечает на письмо Фета от 8 августа 1892 г. (см. письмо 5).

² Речь идет о С. М. Третьякове, умершем 25 июля 1892 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕЛЕГРАММЫ И ПРИГЛАШЕНИЕ, АДРЕСОВАННЫЕ А. А. и М. П. ШЕНШИНЫМ (1882—1890)

1

**Д. В. Григорович, Я. П. Полонский,
П. М. и С. М. Третьяковы — Шеншиным**
29 июня 1882 г. Москва

К. ж. д. Коренная пустынь.¹ Афанасию Афанасьевичу Шеншину.
Новых Филимона и Бавкиду² поздравляем и обнимаем, желаем
обоим отпраздновать в кругу тех же лиц их золотую свадьбу.
Сергей и Павел Третьяковы, Григорович, Полонский.

На бланке: ТЕЛЕГРАФ
МОСКОВСКО-КУРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ
Станция в *Коренной пустыни*.
29 июня месяц 1882 года.
Из *Москвы*. Телеграмма № 130914.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 13. № 31. Л. 1. На бланке курсивом отмечены слова, вписанные телеграфистом П. Воскресенским. Телеграмма подана 29 июня 1882 г. в 11.40 и получена в тот же день в 15.06.

¹ Станция получила название Коренная Пустынь, поскольку находилась недалеко от мужского монастыря Курская Коренная Рождество-Богородицкая пустынь (Коренная пустынь), от станции до Воробьевки было около 8 км.

93 2216

100

ТЕЛЕГРАФЪ

Московско-Курской желѣзной дороги.

Станція в *Нарисинскомъ уѣздѣ*

29 июня _____ мѣсяцѣ 188*2* года.

Изъ *Москвы*. Телеграмма № *130914*.

Разрядъ.	Счетъ словъ.	П О Д А Н А.				П О Л У Ч Е Н А.				СЛУЖЕБНЫЯ ОТМѢТКИ.
		число.	часъ.	мин.	попол.	число.	часъ.	мин.	попол.	
н.	32	29	11	40	н	29	3	4.	д.	

Г. н. д. Вѣчная память
Александрѣ Александровнѣ
Шеншиной.

Невѣр. Филимона и Бавкиду поздравляемъ
и обнимаемъ, желаемъ обимамъ отпраздновать
въ кругу тѣхъ — не имѣя изъ долготы свадьбы.

Сергій и Павелъ Третьяковы,
Григорьевъ, Полонскій.

Върно Телеграфистъ *Ф. Зинченко*

Форм. 1/16 2.

1585

Телеграмма к 25-летию свадьбы А. А. и М. П. Шеншиных от Д. В. Григоровича, Я. П. Полонского, П. М. и С. М. Третьяковых

² Впервые историю героев античного мифа, чьи имена стали нарицательными как образец нерушимого семейного союза, описал Овидий в поэме «Метаморфозы», стихотворный перевод которой был осуществлен Фетом в середине 1880-х гг. Стихотворение «Филемон и Бавкида» было переведено раньше и включено в первый выпуск «Вечерних огней» (1883) (см.: *Фет. ССШ. Т. 5. Кн. 1. С. 113—115, а также с. 496—499*). Еще раньше, в 1882 г., Фетом был переведен сюжет о Филемоне и Бавкиде, входивший во вторую часть «Фауста» Гёте (полностью вторая часть «Фауста» с посвящением графине С. А. Толстой, предисловием и обширными комментариями вышла в переводе Фета в феврале 1883 г.). По какой причине празднование 25-летия свадьбы Фетов было назначено на 29 июня, установить не удалось. В действительности свадьба состоялась в Париже 4 (16) августа 1857 г.

2

**Боткины, Дункеры, Третьяковы,
Постников — М. П. Шеншиной**

22 июля 1889 г. Тихий Хутор

22 июля 1889 г. Московско-Курск<ая> ж. д. Станция Коренная пустынь. Марии Петровне Шеншиной.

Знакомый Тихий хутор¹ с сильно поредевшими рядами вновь обитаем молодым поколением, поздравляет дорогую именинницу и шлет ей радушный привет. Константин, Елизавета Дункер;² Петр, Сергей Боткины;³ Николай, Александра Третьяковы и дети Третьяковых,⁴ Постников.⁵

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 13. № 32. Л. 1.

¹ *Тихий Хутор* — имение Д. П. Боткина в Волчанском уезде Харьковской губернии, в котором он скончался 26 мая 1889 г.

² Константин — К. Г. Дункер, муж Е. Д. Дункер. О ней см. примеч. 2 к письму 5.

³ Сергей и Петр Боткины — братья Е. Д. Дункер, сыновья Д. П. и С. С. Боткиных.

⁴ *Третьяков* Николай Сергеевич (1857—1896), сын С. М. Третьякова от первого брака с Е. С. Мазуриной (1837—1860); художник, был женат на сестре К. Г. Дункера Александре Густавовне Дункер (1855—1926). На картине «Утро на даче» (ЛТГ; 1888) Н. С. Третьяков изобразил свою жену и детей Александру Николаевну и Сергея Николаевича (1882—1944), которые, по всей видимости, и упомянуты в телеграмме как «дети Третьяковых» (см.: *Боткина*. С. 261, 344).

⁵ О каком из родственников семьи Боткиных по материнской линии идет речь — установить не удалось.

3

П. М. и В. Н. Третьяковы — М. П. Шеншиной

19 сентября 1890 г. Москва

23 сентября 1890 года

Павел Михайлович и *Вера Николаевна Третьяковы* покорнейше просят Вас пожаловать на бракосочетание дочери их *Александр Павловны*¹ с *Сергеем Сергеевичем Боткиным*² 23 сентября, в 2 часа, в церкви Чудотворца Николая в Толмачах.

МОСКВА.

На конверте:

Ее Превосходительству
Марии Петровне
Шеншиной.

По Московско-Курской ж. д.,
ст. Коренная Пустынь,
имение Воробьевка.

Почтовые штемпели: 1) Почтовый вагон, 19 сен. 1890; 2) Коренная Пустынь, 20 сен. 1890.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 12. № 3. Л. 1—2 (печатный текст на карточке в формате открытки); конверт — л. 3. В верхней части оборота конверта карандашная помета (рукой секретаря?): «Третьяковы».

¹ *Третьякова* Александра Павловна (в замуж. Боткина; 1868—1959), вторая по старшинству дочь П. М. и В. Н. Третьяковых. Об их браке сочетании Фет упоминает в письме к Я. П. Полонскому от 10 октября 1890 г. (см.: *Фет/Полонский*. С. 839). После смерти отца стала членом правления Третьяковской галереи вместе с В. А. Серовым и И. С. Остроуховым. Боткина является автором книги об отце «Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве», первое издание которой вышло в Москве в 1956 г., лучшей книги о выдающемся собирателе.

² *Боткин* Сергей Сергеевич (1859—1910), русский врач и коллекционер; племянник М. П. Фет, старший сын ее родного брата, знаменитого врача С. П. Боткина. Жена Боткина вспоминала: «Муж мой, Сергей Сергеевич Боткин, любил все искусства, но особенно страстно собирал рисунки и акварели русских художников. Несмотря на то, что он был сильно занят профессорской и врачебной деятельностью, он часто посещал театры, концерты и выставки. Не проходило ни одного беляевского симфонического концерта, чтобы не встретиться там с Репиным и Стаховым. <...> Особенно усердно он искал произведения старых художников <...>» (цит. по: *Егоров Б. Ф.* Боткины. С. 249). После смерти Боткина его коллекция поступила в Русский музей. А. Н. Бенуа писал в некрологе: «Сергей Сергеевич был подлинный фанатик. Он не мог равнодушно видеть какого бы то ни было проявления красоты. Наглядно выразилась эта любовь в чудесных собраниях составленных им русских рисунков, фарфора, всякого прикладного художества, картин современных мастеров и т. д.: и еще в том, что он отстроил свой дом (в Петербурге, ул. Потемкинская, д. 9. — *С. И.*) в любимом им „петровском стиле“ <...>» (цит. по: Там же. С. 250).